

Корифей виноделия Михаил Щербаков

Симбирск – Ялта – Симферополь

Фото Лилии Янушевской

Дом купцов Щербаковых прекрасно сохранился до наших дней.
Ульяновск, ул. Марата, 29. 2014

«Да здравствуют люди,
которые умеют делать вино
и через него вносить солнечную силу
в души людей!».

Алексей Максимович Горький

М.Ф. Щербаков с женой Анной Семёновной и сыном Петром. 1912

В коллекции вин «Массандры» есть несколько раритетных бутылок марсалы – «солнечного некстара», «сочинённого» итальянцами в XVIII веке. Секрет производства этого крепкого вина, которое так уважал адмирал Нельсон, до конца не раскрыт, а содержимое бутылок – результат творческого поиска, предпринятого в 1918 году выдающимся крымским виноделом М.Ф. Щербаковым, имеющим симбирские корни. Михаил Фёдорович – внук купца Андрея Корниловича Щербакова, когда-то на свои средства построившего в Базарном Сызгане Симбирской губернии церковь Дмитрия Солунского, украшающую село до сих пор.

ВКрыму, где Михаил Фёдорович работал несколько десятилетий, его имя хорошо знают. В Крымском агротехнологическом университете для отличников учёбы даже существует именная стипендия М.Ф. Щербакова. А вот на его исторической родине о нём известно очень мало, лишь несколько скучных строчек в Ульяновской-Симбирской энциклопедии. Между тем потомки доктора биологических наук Щербакова волею судеб оказались на его исторической родине.

Однокашники

Михаил Щербаков, 1865 года рождения, поступил в Симбирскую классическую гимназию в возрасте 9 лет. Поначалу мальчик жил в симбирском доме Щербаковых на улице Дворцовой. Это здание до сей поры сохранилось на пересечении современных улиц Марата и Карла Маркса. (Многие старожилы Ульяновска помнят, что рядом с ним в 1950–1960-е годы была керосинная лавка). Но через некоторое время дела семьи пошли неважно. Их суконная фабрика сгорела, и в 1878 году Щербаковы продали свою городскую усадьбу

и вернулись в Базарный Сызган. С тех пор Миша во время учёбы в гимназии жил в чужих домах пансионером. Один учебный год – 1882/1883 – на квартире Ульяновых. Надо сказать, что не все гимназисты приживались в строгой семье инспектора народных училищ Симбирской губернии, однако Мише это удалось. Он сдружился с Александром Ульяновым – умным, эрудированным, целеустремлённым юношей, пробудившим у Михаила интерес к увлекательнейшей науке – химии. Миша учился без особых успехов, однако качество преподавания сделало своё дело. Юноша окончил полный курс СКГ в 1884 году с прекрасным знанием французского и немецкого языков, готовый к научным исследованиям и новым открытиям.

Годом раньше с золотой медалью из Симбирской гимназии выпустился старший сын Ильи Николаевича Ульянова – Александр. Оба молодых человека поступили в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение. Вскоре Александр Ульянов встал на путь революционной борьбы, продал свою золотую медаль, чтобы купить взрывчатку для бомбы,

предназначавшейся для Александра III. Накануне покушения Ульянов был арестован и казнён в возрасте 21 года.

Михаил Щербаков всю свою жизнь посвятил развитию отечественного виноделия, после революции остался в России в голодном, истерзанном гражданской войной Крыму, пережил фашистскую оккупацию и умер в возрасте 83 лет.

В семье Щербаковых, всегда подчёркивающей свою независимость от политики, гордились дружбой Михаила и Александра. Фотография Саши Ульянова была и в их семейном альбоме. По воспоминаниям жены Щербакова Анны Семёновны, Михаил Фёдорович никогда не прятал фото своего гимназического и университетского товарища и даже показывал его ялтинскому градоначальнику Думбадзе, известному реакционеру. Конечно, фотокарточка никуда не исчезла из альбома и после 1917 года, когда к власти пришли большевики.

Виноделие как искусство

Прогрессивно мыслящий энергичный молодой Михаил Щербаков был

большим патриотом. В царской России конца XIX века отечественные производители вина не были в почёте. Предпочитали иностранные вина.

После окончания университета Михаил Щербаков практически сразу определился с выбором пути – начал работать во вновь созданной лаборатории по качеству вина в Санкт-Петербурге. С тех самых пор он уверенно отстаивал авторитет отечественного виноделия и ставил заслон фальсификации вин, принявший большие масштабы. С головой погрузившись в изучение специальной литературы по виноделию, М. Щербаков перевёл передовые труды зарубежных учёных, изучил микробиологию в Дании, и, вернувшись на родину, сам занялся исследованиями – теперь уже в Кишинёве, опубликовал много статей по технологии и химии производства вина в журнале «Вестник виноделия». В 1902 году в России прошёл Первый съезд виноделов и виноградарей, который определил направления развития этой отрасли в империи. В подготовке съезда активно участвовал князь Л.С. Голицын и молодой М.Ф. Щербаков. А накануне съезда вместе со знаменитыми виноделами России он работал над принятием первого в России Закона о виноградном вине. С 1903 года став главным редактором журнала, Михаил Фёдорович в отдельной рубрике с удовольствием давал пояснения читателям по самым тонким вопросам теории и практики виноделия.

Досконально изучив производство европейских вин во Франции, Италии, Испании, Германии, Щербаков стал виноделом мировой величины. В 1907 году он был назначен директором Никитского ботанического сада, основанного в начале XIX века у греческого посёлка Никита недалеко от Ялты.

В начале XX века Никитский сад объединял в своём составе винное производство «Магарач» и единственное

в России заведение, готовящее высококвалифицированных виноделов, – высшие курсы. Административная и преподавательская работа не отвлекала М.Ф. Щербакова от науки. Его работа 1909 года «Исследования над динамикой алкогольного брожения» стала прорывом для того времени и затем получила развитие в современной биохимии виноделия.

Что касается непосредственно Никитского ботанического сада, где произрастает 28 000 самых разных видов растений со всего земного шара, то при Михаиле Фёдоровиче в честь 100-летнего юбилея парка заложили приморскую часть, где посадили 100 субтропических видов растений. Тогда же у входа в Нижний парк появилась белая колоннада в дорическом стиле. М.Ф. Щербаков возглавлял Никитский сад с 1907-го по 1915 год.

О том, где и как Михаил Фёдорович встретил революцию, достоверных сведений нет. Но родину он не покинул. После изгнания Врангеля с полуострова Крым Народный комиссариат земледелия направил туда экспедицию, которая посетила все крупные виноградарско-винодельческие хозяйства Южного берега Крыма, в том числе «Массандру» и «Магарач». Перед Советами стояла задача – восстанавливать и развивать винодельческую отрасль.

Михаил Фёдорович с удвоенной энергией продолжил свою работу. Регионы его деятельности – это Крым, Кубань. Сначала учёный работал в Крымском сельхозинституте (ныне Крымский агротехнологический университет), издал собственные учебники по технологии и химии виноделия. С 1925 года преподавал в Кубанском сельскохозяйственном институте, где организовал первую в России кафедру виноделия. Не одно поколение виноделов Крыма выросло под руководством

команды доктора биологических наук М.Ф. Щербакова, в которую входили талантливые преподаватели И.И. Чепреп, А.В. Короткевич, Б.В. Липис, С.Ф. Охременко и другие.

В 1940 году специалисты отрасли широко отметили 75-летие профессора и полувековой юбилей его научной и педагогической деятельности. Несмотря на возраст, пожилой профессор продолжал колесить по горным дорогам между Ялтой и Симферополем, обучать студентов своему любимому делу. Никто тогда не мог предугадать, что скоро случится огромнейшая катастрофа XX века – Вторая мировая война.

Немного о личном

Глядя на полное жизни лицо и пытливый взгляд Михаила Фёдоровича, представляется человек, что называется, эпикурейского типа. Скорее всего, таким он и был: уравновешенным, мудро принимавшим обстоятельства. Одним словом, счастливый хомосапиенс, реализовавший себя в профессии и в личной жизни. До глубокой старости он не утратил активности и ясности ума. Наслаждался жизнью, занимался наукой и грамотно употреблял конечный продукт виноделия.

По воспоминаниям его ученицы Александры Алексеевны Катаевой, автора многих марочных вин, в послевоенные годы развивавшей виноделие в Средней Азии, Михаил Фёдорович выпивал в день литр белого столового вина!

Его первая жена Анна Семёновна, в девичестве Сорочинская, русская красавица, женщина, буквально сбежавшая с картин Кустодиева, ко всем своим прочим достоинствам обладала прекрасным голосом. Она была певицей и исполняла центральные партии в частных театрах Крыма. Кроме того, она была любящей и заботливой матерью их единственного сына Петра, 1909 года рождения. Только здоровья ей было отмеряно немного – Анна Семёновна умерла в 50 лет. После смерти любимой супруги, уже в пожилом возрасте Михаил Фёдорович женился снова. Его второй избранницей стала молодая женщина, работавшая в доме прислугой. Михалине, уроженке Западной Украины, не было ещё и 30 лет. Вскоре она уговорила старого профессора уドочерить её племянницу Ольгу. Таким образом, у него появилась новая семья. Отношения со взрослым сыном от первого брака стали прохладными. Помимо всего прочего профессор

рассердился на Петра за то, что сын, обзаведясь женой и детьми, в трудные времена «проел» дорогой подарок отца – фамильные карманные золотые часы с десятью крышками.

Михаил Фёдорович был весьма обеспеченным учёным. В царские времена он дослужился до чина действительного статского советника. В Российской империи этот титул давал право на потомственное дворянство и соответствовал званию генерал-майора в армии. Не потерял он авторитета и после революции. Учёного с мировым именем советская власть уважала и особо не притесняла. Во всяком случае, из его частной переписки ясно, что профессор жил в хороших условиях. Вот, например, что он пишет Н.А. Морозову, революционеру-народнику, с 1918 года возглавлявшему Естественно-научный институт им. Лесгафта: «Я уже два года как покинул Москву, откуда я писал Вам и поселился в Крыму в Симферополе. Работаю в здешнем Сельскохозяйственном институте. Юг с его ярким солнцем и теплом, большим спокойствием жизни потянул меня к себе. Мне предоставили прекрасные жилищные условия. Живу среди прекрасного, созданного ещё князем Михаилом Семёновичем Воронцовым сада (Салгирка) и каждый день говорю, как хорошо, что я не в Москве». Переписка Щербакова с Морозовым началась по инициативе Михаила Фёдоровича. Разносторонний человек, он живо интересовался вопросами античной истории, религии. Книги Морозова на исторические темы чрезвычайно заинтересовали Щербакова. Однажды попросив прислать известного писателя и общественного деятеля последний том его книги «Христос», он обнаружил в Николае Александровиче близкого по духу человека («Вы астроном, я – химик – люди, привыкшие свои выводы выражать мерой, весом и числом»). С ним можно было обсуждать близкие обоим темы, философствовать, подкрепляя рассуждения цитатами французских и немецких авторов. Из письма М.Ф. Щербакова: «По-прежнему читаю и перечитываю Ваш труд «Христос» и всё также с жадностью воспринимаю Ваши толкования далёкого таинственного прошлого. В этом мире созданной вокруг нас сказки хочется найти для себя большую и большую уверенность в истине. Ваши пояснения подкупают меня своей кажущейся

На портрете работы В. Измайлова. Анне Сорочинской-Щербаковой 25 лет. 1902

Анна Шербакова в главной партии в опере «Русалка». Начало 1900-х

мне большой правдой, логичностью, но в то же время знаешь, как и здесь много гаданий...».

Кроме того, оба они были из «бывших». Происходившие после 1917 года события явно были не по душе Щербакову. В 1933 году в одном из писем Морозову он, выражая искреннюю симпатию к Николаю Александровичу, с горечью отмечает: «В наше время звериного отношения к людям, когда только и слышишь призывы: уничтожь, добей и звериный вопль распни распни его и нет места слову любви и благожелания, Ваше письмо было для меня чем-то особенно отрадным. Ведь мы с Вами родились и воспитались в другой атмосфере, где дикие чувства злобы, ненависти и насилия не были идеалами жизни. Может быть, мои мысли и чувства лишь результат воспитания – судить не берусь. Будущее покажет, что лучше для жизни».

Потрясение

В недалёком будущем была война. Рабочие «Массандры» по приказу правительства эвакуировали 50 000 бутылок

коллекционного вина, сотни тысяч декалитров вина в бочках отправили в Тбилиси. Большое количество вина было спрятано в тайниках. И всё же тонны народного достояния вылили в море, надолго окрасившееся в красный цвет у берегов Ялты. Опьяняющий запах стоял над поверженным городом.

Пётр Щербаков, работавший научным сотрудником в Севастопольском филиале института виноделия и виноградарства «Магарач», ушёл на фронт на второй день войны. Хотел, чтобы престарелый отец эвакуировался из Ялты. Однако профессор остался в оккупированной Ялте – здесь была вся его жизнь. Здесь он был нужен комбинату «Массандра». В глубине души он, наверное, надеялся, что немцы, представлявшие нацию Гёте и Вагнера, окажутся не такими уж отъявленными извергами. Ведь когда-то в Германии он был знаком с прекрасными учёными, музыкантами, медиками. Его политическая близорукость объяснялась легко: газет он по-прежнему не читал, в пропаганду не верил.

Поначалу немцы не разочаровали Михаила Фёдоровича. Хитроумный майор фон Краузе, сам представитель семьи рейнских виноделов, как никто понимал, что Щербаков – учёный мирового уровня. Не успели немцы войти в Ялту, как Краузе первым пришёл к профессору Щербакову и предложил ему должность шефа Никитского ботанического сада. Михаил Фёдорович равнодушно согласился. Об этом тут же было напечатано в местной прессе. Многие жители Крыма негодовали. Наш известный учёный сотрудничает с немцами! Автор книги «Крымские тетради» Илья Вергасов, друг и ровесник Петра Щербакова и ученик М.Ф. Щербакова, был из тех, кто сначала осудил винодела. Да и не он один. Многие вспомнили его дореволюционное прошлое. Вопрос: «А где вы были до 17-го года?» не требовал ответа. Все знали, что профессор после революции лишился земли в районе села Никита, большого дома, винного подвала.

Позже выяснилось, что всё гораздо сложнее. После войны кандидат сельскохозяйственных наук Пётр Щербаков рассказал другу, как всё происходило. Какое-то время его отец был под влиянием интеллекта фон Краузе, хорошо образованного в области ботаники. Приближалась зима, а редчайшая коллекция кактусов, существующая со времён Александра I, была беззащитна перед наступающими холодами. Да и не только она одна. Рабочие эвакуировались,

парники были разрушены. Краузе же оказывал конкретную помощь в сохранении уникальной флоры сада. Но то, что случилось позже, перевернуло сознание Михаила Фёдоровича. В двух километрах от дома Щербакова на Масандровской свалке были проведены массовые расстрелы евреев. Ныне там установлен памятник. Что мог сделать потрясённый старик? Опираясь на палку с изображением Будды, он пошёл объясняться с оккупационными властями. «Вы опозорили свою нацию!» — бросил он в лицо майору. После этого визита немцы лишили его продовольственного пайка и запретили общаться с кем-либо. Он почти перестал разговаривать, но продолжал работать. Последней темой его научных изысканий стали диетические свойства высококачественных красных вин Кубани, на которые он первый в нашей стране обратил внимание, написав в 1945–1948 годах работу «Диетические и лечебные свойства красных вин». Лишь через сорок лет современная медицина подтвердит: красное вино укрепляет тонкие кровяные сосуды головного мозга, предупреждает инсульт и развитие заболеваний сердечно-сосудистой системы. В медицинской литературе это называется «французский парадокс»: можно есть жирную пищу, не отказывать себе в гастрономических излишествах, важно только выпивать 1-2 бокала сухого красного вина, и со здоровьем всё будет в порядке!

Голодные годы и потрясение сделали своё дело. Старый профессор умер вскоре после войны в ноябре 1948 года. Похоронен Михаил Фёдорович Щербаков в Симферополе.

На набережной Ялты.
Пётр и Саша Щербаковы — слева.
Сусанна Щербакова,
жена П.М. Щербакова — справа.
1953

Послесловие

Сын М.Ф. Щербакова инженер-механик НИИ виноградарства и виноделия «Магарач» П.М. Щербаков умер в Ялте в 1975 году. Своим двум сыновьям он рассказывал об отце не так уж много. Правда, в 1950-х годах они всё-таки ездили в Симферополь, встречались со второй женой Михаила Фёдоровича Михалиной и её племянницей. Но близких отношений не случилось. Соответственно, многие семейные документы к Петру не попали. Один из сыновей Петра Михайловича — Александр, выпускник Запорожского машиностроительного института, выбрал местом своего проживания наш город, так как ему и его жене Любке захотелось работать на Ульяновском автомобильном заводе. В 1969 году они приехали сюда по распределению и живут здесь по сей день. 45 лет отдал нашему градообразующему предприятию А.П. Щербаков.

Под его руководством была создана целая серия армейских внедорожников семейства «УАЗ».

Родословной семьи Щербаковых первым заинтересовался сын Александра Петровича — Евгений. Толчком послужила статья Алексея Сытина в «Мономахе» об Андрее Корниловиче Щербакове, крупном базарносызганском благотворителе. В ней упоминался и Михаил Фёдорович Щербаков (1865–1948). Евгений обнаружил статью в Интернете, а затем разыскал там и другие сведения о своём роде. Далее поиски продолжила жена Александра Петровича — Любовь Александровна. От краеведа Юрия Фокина получили информацию о годах жизни некоторых членов семьи.

— В Симбирской классической гимназии во второй половине XIX века обучалось несколько Щербаковых, — рассказывает заведующая музеем «Симбирская классическая гимназия» Ирина Фёдоровна Макеева. — К сожалению, ни фотографий тех выпускников, ни характеристик учеников не сохранилось. Вот, например, о Сергее Щербакове, родившемся 16 марта 1853 года в Базарном Сызгане, известно только то, что он через четыре года после окончания гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета. Является ли он братом или кузеном Михаила Фёдоровича Щербакова неизвестно. Не сохранилось даже отчества гимназиста. То, что на журнальную публикацию откликнулись потомки Михаила Щербакова, нашего знаменитого выпускника, большая удача. Она даёт нам надежду, что неизвестных биографий известных людей, окончивших нашу гимназию, со временем будет всё меньше.

Лилия Янушевская

Фото из архива семьи А.П. Щербакова

Последняя фотография М.Ф. Щербакова (на переднем плане) сделана после войны. Михалина Щербакова стоит крайняя справа. Миша Щербаков рядом с дедом